

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12
УДК 316.422.6(045)

Дискурсивные механизмы конструирования «экзистенциального Другого» в отношениях кризиса доверия между Россией и Западом

А.Г. Тюриков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье на основе дискурсивного анализа описываются механизмы формирования образа «экзистенциального Другого» при наличии кризиса доверия между Россией и Западом. Анализируются зарубежные, восточные и отечественные подходы к экзистенциализации кризиса в отношениях между РФ и западными странами. В рамках этого выделены и описаны ключевые дискурсивные механизмы: надуманности, конструирования нарративных миров, введения в политическую, социокультурную и экономическую повестку «темных интенциональных контекстов», а также механизм, направляющий дискурс в русло мифологик. Предложенный подход может быть использован в исследованиях экзистенциализации современного мирового кризиса.

Ключевые слова: доверие; кризис доверия; Другой; дискурсивные механизмы конструирования Другого; экзистенциализация мирового кризиса

Для цитирования: Тюриков А.Г. Дискурсивные механизмы конструирования «экзистенциального Другого» в отношениях кризиса доверия между Россией и Западом. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12

ORIGINAL PAPER

Discursive Mechanisms of Constructing the “Existential Other” in the Relations of Trust Crisis between Russia and the West

A.G. Tyurikov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Based on the conducted discourse analysis, the article explores the mechanisms of constructing the image of an “existential other” during a crisis of trust between Russia and the West. It examines foreign, Eastern, and domestic perspectives on the existentialisation of the crisis in relations between the Russian Federation and Western nations. Within this context, key discursive mechanisms have been identified and described. They include fabrication, the creation of narrative worlds, the inclusion of “dark-intentioned contexts” in political, socio-cultural, and economic agendas, as well as a mechanism that directs discourse towards mainstream mythologies. This approach can be applied to studies of the existentialisation of modern-day crises.

Keywords: trust; crisis of trust; the Other; discursive mechanisms of constructing the Other; existentialization of the global crisis

For citation: Tyurikov A.G. Discursive mechanisms of constructing the “Existential Other” in the relations of trust crisis between Russia and the West. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-6-12

ВВЕДЕНИЕ

С одной стороны, в условиях отката глобализации поделить Землю между мирами невозможно, с другой — мы живем в эпоху «столкновения миров», формирования образа «экзистенциального Другого» в условиях кризиса доверия между Россией и Западом. Сложившаяся ситуация ставит перед исследователями задачу поиска уточнения и объяснения сущности и содержания экзистенциализации мирового кризиса.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ДРУГОЙ В ЗАПАДНОМ ДИСКУРСЕ

«Создание “экзистенциального Другого” и длительное поддержание присущих ему оппозиций — трудная задача»¹. Тем не менее с 2014 г. она успешно решается в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом.

Мы придерживаемся тезиса об «экзистенциальном Другом» в логике концепта Ж. Делёза: «здесь Другой предстает не как субъект или объект, а совсем иначе — как возможный мир, как возможность некоего пугающего мира...» [1, с. 27]. «Экзистенциальный Другой» предполагает «культурного Другого», и если вопросы конструирования в дискурсах «экзистенциального Другого» остаются недостаточно изученными, то в исследованиях межкультурных коммуникаций и «культурного Другого» дискурс-анализ занял прочное место [2–4]. Наиболее интересными в контексте настоящей статьи представляется исследование «западного дискурса о культурном Другом» китайским социологом Ши-Сюй (Shi-Xu, который выделяет ряд его особенностей, отличий от «незападных дискурсов».

Во-первых, в западном дискурсе культурный Другой — «это как правило “мы”, которые говорят за “них”» [4, с. 132]. То есть западный дискурс склонен говорить от имени Другого и, как следствие, невосприимчив к «культурному Другому», он выдает свои представления о Другом за его сущность, руководствуясь пресуппозицией, что лучше понимает Другого, чем Другой самого себя. Поэтому Ши-Сюй замечает: «прочтение незападного Другого и разрешение незападному Другому говорить [за себя] должны все же стать нормальной частью западного дискурса» [4, с. 132]. «Говорить за других — это подлость», — замечает М. Фуко [5, с. 69]

Характерный для Запада «дискурс об экзотичности ... также [является] способом говорить за других»

[4, с. 188], ведь экзотичным Другой представляется именно Западу. Заметим, что это присутствует и в отношении Запада к России (русская зима, медведи на улицах городов и т.п.), более того, активно эксплуатируется в ситуации кризиса в отношениях России и Запада. Характерно, что Европа и сама становится объектом дискурса об экзотичности: гомосексуальные браки, гей-парады и т.п. являются «европейской экзотикой» для многих людей в России и не только.

Вторая особенность западного дискурса состоит в том, что «другое место» как правило представляется зоной напряженности или конфликта, которые нарушают некоторый основной «рациональный», «естественный» или «универсальный» порядок [4, 106]. При этом западный дискурс «априорно определяет и фиксирует Другое» каким-либо конкретным способом, позволяющим воспринимать и интерпретировать Другого в ракурсе «очевидной оппозиции рациональности и здравому смыслу» [4, 123].

Ши-Сюй подчеркивает, что в фокусе «западного дискурса о Другом» находятся противоречия, разногласия, несоответствия, антагонизмы, вследствие чего он является «мощным аппаратом ... предубеждения, дифференцирования и дискриминации, особенно относительно культурного Другого» [4, с. 8].

Все вышеуказанное позволяет осмыслить происходящее в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом. Ведь европейский, американский и российский дискурсы являются разновидностями западного.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗАЦИЯ КРИЗИСА В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Приступая весной 2017 г. к анализу антагонистического дискурса между Россией и Западом [6], мы не предполагали, что он выведет нас на проблематику «экзистенциального Другого» (исследование реализовано совместно с А.Я. Большуновым, безвременно ушедшим из жизни в 2021 г.). Кризис в отношениях России и Запада начался во вполне реалистичном и прагматичном контексте угроз, интересов, геополитических амбиций и т.п. Но он быстро приобрел черты «столкновения миров» в традициях современных фэнтези: «русского мира» и «цивилизованного мира», представляющего коллективный Запад. Это «столкновение миров» мы называем экзистенциализацией кризиса в отношениях между Россией и Западом. Мы имеем в виду такую

¹ URL: <https://ria.ru/20160627/1452742863.html>

интерпретацию кризиса, которая объясняет его некоей экзистенциальной несовместимостью сторон (миров), когда их «виновность» объясняется фактом их существования, и неприемлемым становится само сосуществование России — для Запада и коллективного Запада — для России. Источником противостояния признаются некие интенции, изначально присущие сторонам, постулируется их экзистенциальная несовместимость, которая, якобы, присутствовала в отношениях между ними на протяжении всей истории. С 2016 г. НАТО утверждает, что «Россия представляет собой **непреодолимую экзистенциальную угрозу** для Соединенных Штатов, их союзников и международного порядка»². Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг развил эту мысль в июне 2022 г.: «НАТО давно готовилось к такой вероятности (конфликт на Украине), не то, чтобы 24 февраля мы осознали, что Россия опасна»³.

В то же время В. Бондарь в статье с показательным названием «*Час решающей битвы между Русским миром и Западом уже близок*» указывает: «Пока на свете существует Россия и русские — как духовно целостный народ, западная цивилизация не может считать этот мир целиком подвластным себе» [7].

Происходящее в определенной мере объясняется тем, что и Запад, и Россия удручены и ожесточены вероломством друг друга. Ведь, с точки зрения Запада, он в 90-х «принял Россию» в круг «цивилизованного мира» (G8), и вдруг выяснилось, что ее цивилизационная принадлежность была маской, за которой скрывался Другой (даже Чужой). Поэтому первым символическим актом изоляции России было ее исключение из G8, а ее видимое равнодушие к этому обстоятельству стало для Запада *ошеломляющим прозрением*. С точки зрения нашей страны, все, что происходило в 90-х, было коварной инсценировкой, за которой стояло намерение Запада вычеркнуть Россию и русских из планов на будущее.

Но вклад России в западную цивилизацию слишком весом, поэтому ее трудно вывести «за скобки». Это обстоятельство ужесточает дискурс, поскольку стороны вынуждены убеждать себя, что имеют дело с Другим.

В ходе предыдущего исследования автора [7] были выявлены следующие дискурсивные механизмы:

1. Radotage (вздор), описанные А-Ж. Греймасом [8], вследствие которых антагонистический дискурс облекается в актантные модели (структуры), характерные для фэнтези. Именно то обстоятельство, что фабула антагонистического дискурса разворачивается в логике фэнтези, ведет к экзистенциализации конфликта. Заметим, что о Другом (именно как об экзистенциально Другом) мы вряд ли можем сказать что-то, кроме вздора.

2. Конструирование «нарративных миров» (Умберто Эко). [9].

3. Введение в игру посредством «нарративных субстанций» (Ф. Анкерсмит) [10] («русский мир», «русская весна», «цивилизованный мир») на первый план дискурса, вследствие чего кризис окончательно конституируется как «противостояние миров».

4. Приобретение «нарративными субстанциями» очертаний концептов Ж. Делёза [1], эксплицирующих некие «метафизические основания» антагонизма и направляющих дискурс в русло своего рода мифологик. Вместе с этим, поскольку метафизика всегда притязает на онтологию, кризис в отношениях России и Запада окончательно конституируется как экзистенциальный.

Рассмотрим названные механизмы подробнее.

МЕХАНИЗМ НАДУМАННОСТИ И ВЗДОРА

А-Ж. Греймас различает две формы конструирования субъектов на месте актантов: *affabulation* (развитие интриги) и *radotage* (вздор) [8, с. 177]. Вздор — это не оценка содержания дискурса, а характеристика того способа, которым создаются дополнения к актантам (собственно субъект, объект и пр.). Этот механизм не связывает себя с условиями фактической и логической истины. Иначе говоря, место, именуемое актантом, становится чем-то вроде корзины, в которую может быть набросано что угодно. Понятно, что наполнение этой корзины качественными определениями мотивировано, но логически не опосредованно.

Приведем образцы *radotage* в антагонистическом дискурсе между Россией и Западом.

Примеры со стороны России:

«За что запад ненавидит Россию & Славян? ... Почему Запад **всегда, во все времена** пытался уничтожить самобытную русскую культуру и наш народ», — вопрошает российский патриот в статье

² URL: <https://argumenti.ru/world/2016/06/454043?ysclid=lvс8u654cg518911696>

³ URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bc951a9a79473a3735df35?ysclid=lt89chcu7m563656021&from=copyhttps://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bc951a9a79473a3735df35?ysclid=lt89chcu7m563656021&from=copy>

с названием «Запад **никогда** не будет мирно жить рядом с Восточными народами...» [11]. «Российское государство давно должно было понять основополагающую истину о западных политиках и военных. ... Они **никогда** не признают свою ложь», — вещает российский эксперт В Михеев⁴. «Запад нас ненавидит, а мы испытываем к нему презрение», — заявляет «ученый-международник» С. Караганов [12].

Примеры вздора со стороны Запада:

«Россия уже **несколько столетий подряд неизменно** воплощает в жизнь *Drang nach Westen* и *пару других drang'ов*» (польский профессор Кшиштоф Ясевич) [13]. «Русские ... почти на **генетическом уровне** склонны и стремятся к обману, проникновению, ассимиляции, извлечению выгод и всему такому прочему. ... Нам есть от чего быть обеспокоенными» (бывший директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер) [14].

Примечательно, что авторы этого вздора, имея высокий научный и экспертный статус, беззастенчиво прибегают к «лингвистике лжи» (слова «всегда», «никогда», «неизменно», «всё» и т.д.).

Характерно, что оппоненты антагонистического дискурса ссылаются на одни и те же факты, интерпретируя их в логике *radotage* зеркально противоположным образом (события 1812 г., Второй мировой войны и пр.).

В различных актантных ролях (функциях) в антагонистический дискурс вовлекаются:

- национальные лидеры в роли протагонистов и антагонистов (главных героев, символизирующих в конечном итоге Добро и Зло);
- военные и дипломаты, выступающие основными «помощниками» протагониста;
- «иностранные агенты» (в мифологии *radotage* — «нечистая сила»). Это типичный актант третьего порядка, позиция которого определяется как ангажированность. «Иностранцами агентами» становятся СМИ, хакеры, общественные организации (в США дело дошло до того, что иностранным агентом был объявлен Президент Д. Трамп!);
- экспертное сообщество — в специфической метапозиции его толкователей. Как известно, «сказка ложь, да в ней намек», который должен быть доведен до аудитории. Это делается «сказителями», роль которых играют эксперты;
- политики — в роли «воинств» протагониста и антагониста. Этим объясняется *остервенелость*,

с которой они участвуют в ток-шоу, различных дискуссиях и т.п. Их сценическая задача — демонстрация приверженности протагонисту/антагонисту, провозглашаемым ими ценностям, принципам, целям и т.д.;

- специальная актантная группа, связанная с производством и постановкой фейков (актеры);
- СМИ — в различных ролях (например, помощников протагониста или всяческой «нечисти»: иностранных агентств, фабрик фейков и т.п.). У них специфическая миссия — разыграть карту общественной поддержки протагониста и общественного неприятия антагониста на своей территории;

- собственники и руководители сетей и мессенджеров. Целью является обеспечение гегемонии своего дискурса. В антагонизм активно вовлекаются деятели культуры, поскольку она является сферой производства символической продукции;

- большой бизнес, который до последнего не втягивали в антагонистический дискурс, но объявленная коллективным Западом санкционная война изменила эту ситуацию. Фактически в антагонистическом дискурсе появляется новая сила — бизнес ставится в ситуацию самоопределения. Одним из основных инструментов вовлечения различных общественных групп и стран в антагонистический дискурс являются санкционные списки и меры.

Понятно, что дискурс развивается в логике интриги глобальной трансформации. Но надуманность, вздор захватывает сознание участников и приобретает автономное значение — становится предметом вторичных верований и политических убеждений.

НАРРАТИВНЫЕ МИРЫ УМБЕРТО ЭКО

В исследуемом антагонистическом дискурсе «нарративными мирами» являются «русский мир», «весь цивилизованный мир» (очерчивающий страны Запада), «многополярный мир» (доцзи-хуа), «незападные страны» (как оборот, которым очерчивается альтернативное Западу пространство глобальной идентичности), мир «единой судьбы человечества» (провозглашен Циндаоской декларацией Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества).

Понятие «нарративных миров» в анализе дискурсов использует Умберто Эко, подчеркивая, что они выдают себя за логически возможные миры, но, в отличие от последних, «не “конструируются”, [а] только “называются”» [9, с. 404]. Важно,

⁴ URL: <https://politexpert.net/102199-mikheev-o-provokaciyakh-protiv-rf-zapad-nikogda-ne-priznaet-svoyu-lozh>

что Эко связывает миры наррации с актантной семантикой. «Нарративная структура сводится ... к чисто формальным позициям ... которые создают актантные роли» [9, с. 71].

Откуда появилось понятие «нарративный мир»? Разберемся в этом на примере «русского мира». У истоков его «доктрины» стоит П. Г. Щедровицкий, который претендует на нечто большее, чем нарратив. Ему очень хочется представить дело так, будто «русский мир» является чем-то «объективно существующим». Он ищет «признаки», «свойства», позволяющие формально определить объем понятия «русский». «Речь в моем тексте, — пишет Щедровицкий, — идет о тех, кто говорит и думает на русском языке, кто ... *действует* в русском языке»; «Русский Мир — сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» [15].

Подчеркнем, что доктрина «русского мира» не тянет и на концепт Ж. Делёза. Если «русский мир» понимать как концепт, значит он должен быть сконституирован как логически возможный (осмысленный) мир, центрированный относительно лица (субъекта), которое собственно и является «русским». Таким образом, отсылки к языку недостаточно (напомним, концепт состоит «из трех неразделимых составляющих — возможный мир, существующее лицо и реальный язык, то есть речь» [1, с. 28]).

Сказанное о «русском мире» справедливо и относительно других «миров» исследуемого антагонистического дискурса.

«ТЕМНЫЕ ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ» И ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ АНТАГОНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Прежде всего, отметим, что с нарративными субстанциями мы имеем дело не только в обозначениях миров, — такие выражения, как «русская весна», «американская исключительность», «шанхайский дух» и т. п. также являются типичными нарративными субстанциями. Их значение не только в том, что они «объясняют» происходящее, но и в том, что они являются мощными инструментами вовлечения в антагонистический дискурс новых участников. Ведь люди вовлекаются в ситуацию именно тем смыслом, который она для них имеет, и он должен быть эксплицирован (сконструирован, изобретен) посредством нарративной субстанции.

Вообще нарративные субстанции играют ключевую роль в дискурсах, являясь местом их «сборки».

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗАЦИИ КРИЗИСА В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Итак, в антагонистическом дискурсе, развивающемся в логике актантной структуры фэнтези, противоборствующими сторонами конструируются «жизненные миры, в которых оппонирующей стороне неизбежно отводится место антагониста, символа абсолютного Зла. Нарративные миры антагонистического дискурса — это не «общий мир», в котором стороны могут притязать на «свое место под Солнцем». Это миры, в которых противоположной стороне нет места — каждая пытается навязать другой свой концепт мира, свой нарратив.

Приведем еще несколько иллюстраций к тезису об экзистенциализации кризиса в отношениях России и Запада.

Осенью 2014 г. К. Ясевич пишет: «... *Главной целью идущей войны должно стать устойчивое снижение значения России* [речь идет о снижении роли России в международных отношениях — авт.] *и ее распад...*» [13]. Взгляды К. Ясевича могут казаться одиозными, но разве с 2014 г. не предпринимаются попытки реализации всех обозначенных экономических, политических, международных, спортивных и прочих аспектов экзистенциональной войны?

Не будет преувеличением сказать, что никаких идей в отношении России нет ни у США, ни у Евросоюза. Как и у России — применительно к Западу.

Есть, впрочем, и «хорошие новости». Например, Матье Слама пытается действительно осмыслить и рационализировать ситуацию, в которой мы оказались: «*Мне кажется, что происходящее сейчас между путинской Россией и западными странами носит куда более фундаментальный характер, чем просто конфликт интересов по сирийскому и украинскому вопросам. Думаю, что на заднем плане этого конфликта существует противостояние двух конкурирующих мировоззрений*» [16].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экзистенциализация кризиса в отношениях России и Запада, восприятие друг друга как экзистенциальных Других, связанное с противостоянием нарративных миров, ощущение тупика, безысходности ситуации является самым грозным аспектом исследуемого нами антагонистического дискурса.

Миры, конечно, противостояли друг другу и раньше, но каждый из них имел свой «ареал обитания». Сегодня, в условиях отката глобализации, поделить Землю между мирами невозможно, мы живем в эпоху «столкновения миров». Суть дела не

в самих по себе «конкурирующих мировоззрениях» (М. Слама), а в том, что их отныне нельзя развести по разные стороны Земли. С этим обстоятельством проблема экзистенциального и культурного Другого приобретает новое содержание и актуальность.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя; 1998. 288 с.
2. Bloch L.-R. Who's afraid of being a friere? The analysis of communication through a key cultural frame. *Communication Theory*. 2003;(13):125–159.
3. Blommaert J. Different approaches to intercultural communication: A critical survey. URL: https://www.researchgate.net/publication/266557453_Approaches_to_intercultural_communication_A_critical_survey
4. Shi-Xu. A Cultural approach to discourse. New York: Palgrave Macmillan; 2005.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис; 2002. 384 с.
6. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6–10.
7. Бондарь В. Час решающей битвы между Русским миром и Западом уже близок. URL: <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/chas-reshaushey-bitv-mejdu-russkim-mirom-i-zapadom-uje-blizok#hcq=zpg9eVq>
8. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: М.: Академический Проект; 2004. 368 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум; 2005. 502 с.
10. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс; 2003. 360 с.
11. Тёркин В. Запад никогда не будет мирно жить рядом с Восточными народами. Шакалы маски не меняют, только декорации. URL: <https://cont.ws/@sledgehammer/244934>
12. Караганов С., Кобзев А. Запад нас ненавидит, а мы испытываем к нему презрение. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Zapad-nas-nenavidit-a-my-ispytyvaem-k-nemu-prezrenie-19526>
13. Jasiewicz K. Do Rzeczy. URL: <https://dorzeczy.pl/swiat/4324/Jak-wygrac-III-wojne-swiatowa.html>
14. Волкова А. На Западе раскрыли генетический код русских и вздрогнули. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/70746-na-zapade-raskryli-geneticheskij-kod-russkikh-i-vzdrognuli>
15. Щедровицкий П. Г. Кто и что стоит за доктриной русского мира. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/30>
16. Boniface P. Reflexions sur la croisade idéologique de Poutine. URL: <https://blogs.mediapart.fr/pascalboniface/blog/010816/reflexions-sur-la-croisade-ideologique-de-poutine>

REFERENCES

1. Deleuze J., Guattari F. What is philosophy? Transl. from French Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii, St. Petersburg: Aleteya; 1998. 288 p. (In Russ.).
2. Bloch L.-R. Who's afraid of being a friere? The analysis of communication through a key cultural frame. *Communication Theory*. 2003;(13):125–159.
3. Blommaert J. Different approaches to intercultural communication: A critical survey. URL: https://www.researchgate.net/publication/266557453_Approaches_to_intercultural_communication_A_critical_survey
4. Shi-Xu. A Cultural Approach to Discourse. New York: Palgrave Macmillan; 2005.

5. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Moscow: Praxis; 2002. 384 p. (In Russ.).
6. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S.A., Tyurikov A.G. Intercultural communication: challenges of global transformation of life worlds. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6–10. (In Russ.).
7. Bondar V. The hour of the decisive battle between the Russian world and the West is already close. URL: <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/chas-reshaushey-bitv-mejdu-russkim-mirom-i-zapadom-uje-blizok#hcq=zpg9eVq> (In Russ.).
8. Greimas A.-J. Structural semantics: Moscow: Akademicheskij Proekt; 2004. 368 p. (In Russ.).
9. Eco U. The role of the reader. Research on the semiotics of the text. St. Petersburg: Symposium; 2005. 502 p. (In Russ.).
10. Ankersmith F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Idea Press; 2003. 360 p. (In Russ.).
11. Terkin V. The West will never live peacefully next to the Eastern peoples. Jackals don't change masks, just the scenery. URL: <https://cont.ws/@sledgehammer/244934> (In Russ.).
12. Karaganov S., Kobzev A. The West hates us, but we feel contempt for it. URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Zapad-nas-nenavidit-a-my-ispytyvaem-k-nemu-prezrenie-19526> (In Russ.).
13. Jasiewicz K. To the point. URL: <https://dorzeczy.pl/swiat/4324/Jak-wygrac-III-wojne-swiatowa.html>. (In Polish).
14. Volkova A. In the West, they revealed the genetic code of Russians and shuddered. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/70746-na-zapade-raskryli-geneticheskij-kod-russkikh-i-vzdrognuli>
15. Shchedrovitsky P.G. Who and what stands behind the doctrine of the Russian world. URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/30>
16. Boniface P. Reflexions sur la croisade idéologique de Poutine URL: <https://blogs.mediapart.fr/pascalboniface/blog/010816/reflexions-sur-la-croisade-ideologique-de-poutine> (In French).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandr G. Tyurikov — Dr. Sci. (Soc.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

agtyurikov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2024; принята к публикации 10.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 20.04.2024; accepted for publication on 10.05.2024

The author read and approved the final version of the manuscript.